

Вера Позднякова

12+

Дома моей Души

Вера Позднякова

Дома моей души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64347127

SelfPub; 2021

Аннотация

О ярких событиях детства глазами маленькой девочки в воспоминаниях её, взрослой, но в душе оставшейся той же маленькой восторженной девочкой.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

47

Вера Позднякова

Дома моей души

Глава 1

Самый первый дом

За несколько месяцев до своего рождения я уже путешествовала по реке.

Отец с матерью работали на пассажирском пароходе. Эта сибирская река с непонятным названием Обь и стала моей малой родиной. Когда мы заходили на очередную короткую стоянку у красивой деревни на яру, мне захотелось родиться. Мать отвели в тамошнюю больницу, и пароход ушел. На обратном пути забрали уже нас двоих, довольных случившимся обстоятельством.

С тех пор, как только я подросла и смогла осознать, сказанное родителями, я всегда с трепетом ожидала приближения этой красивой деревни, понравившейся мне ещё до рождения. На коротких стоянках мы с мамой пытались пробежаться по деревне, делая забеги на длинную дистанцию от пристани вдоль главной улицы, широченной и длинной, проложенной с истинно сибирским размахом.

По дороге я пыталась разглядеть свою малую родину. Все здесь было под стать главной улице, большое, широкое и ве-

сёлое.

От пристани дорога, поросшая травой и огромными лопухами вдоль заборов, вела наверх. Большие дома, все в черемухах, щурились на меня своими смешливыми окнами. Добежать мы успевали только до магазина. Он был таким же, как и всё здесь, огромным, тихим и залитым солнцем.

До больницы, моего первого пристанища в этом мире, мы так ни разу и не добежали.

Мой первый дом, где я родилась и прожила несколько дней, так и остался для меня, похожим на дома, мимо которых мы пробегали, большим и светлым, с сочащейся от жары из бревен смолой, сверкающей на солнце. Он так и остался для меня незнакомым и притягательным.

Зимовали мы вместе с нашим пароходом в Моряковке, в доме моих бабушки и дедушки. Дед только к нашей зимовке демобилизовался из армии, пройдя всю войну и задержавшись на службе в Кёнигсберге.

Радость его возвращения была сдобрена моим рождением. Родные хотели назвать свою первую дочь и внучку необычно, значимо, и каждый день звали меня по-разному, не останавливаясь ни на одном имени. Так длилось несколько месяцев. Потом дед сказал, хватит издеваться над ребенком, и внес свои коррективы, предложив назвать меня Победой.

Победой я пробыла уже дольше, несколько недель. Потом родные сообразили, что это как-то немного официально, и

решили назвать меня Звездой. Отчество у меня было подходящее, плавное, Васильевна.

Когда уже пошли в Загс, работавшая там мамина подруга сказала:

– Это, конечно, ваше дело. Но вы подумали, что вы накликаете на своего ребенка? Ведь её всю жизнь, хорошо ещё, за глаза, будут называть по созвучию.

Родные, моментально прокрутив в голове это созвучие, ахнули. Такого они своему чаду не хотели. Друг и однополчанин деда, приглашенный на семейное торжество, сказал:

– Хватит вам изгаляться над девчонкой, назовите её простым именем, Вера. Оно трудно поддается всяким созвучиям и опять же редкое, как вы и хотели.

Так из Звезды Васильевны я превратилась в трудно поддающуюся всяким неблагозвучным созвучиям Веру Васильевну.

Все-таки, мы отличаемся и от Востока и от Запада. Чрезмерной переливностью нашего языка что ли. Или чрезмерной нашей любовью ко всяким созвучиям. Или, и тем, и другим, и ещё многим-многим.

Ведь ходят по свету миллионы всяких там Астер и Эстер. Звезд и Звездей. И только мы, русские, понимаем, что живи они в России! И им бы пришлось задуматься, а правильно ли родители им выбрали имя? Нашлись бы быстро умельцы, созвучившие и их имя черт-те-с чем.

Это витало в воздухе вокруг меня с того памятного дня

моей регистрации в человеческое сообщество.

Весь первый год моего рождения прошел для меня тихо и мирно, чего не могу сказать о моих родных. Дед нашел себе зазнобу, решив наказать свою жену по – мужски, а там и затянуло. Дед не простил её «слабость», так он объяснял всем свою.

Тем делом, долгой суровой зимой, родители сообразили мне братика.

В год его появления на свет пароход, вместе со всей командой, перевели на зимовку в новую базу – караванку. Попросту, в Затон, тоже поселок речников, но уже в пригороде другого крупного порта, Новосибирска.

Навигация закончилась, когда уже шла шуга¹. Пароходы пошли по местам своих зимних стоянок, чтобы встать вдоль берега затона, небольшой бухточки, вырытой земснарядом.

Мы была с родителями до конца навигации. Нам было хорошо, тепло, светло, много горячей воды и корабельный медик, положенный по штату на пассажирском пароходе.

Как бы то ни было, на новое место жительства мы прибыла с комфортом.

Как сейчас говорят, полные больших надежд на будущее, но врать не буду, ничего про те свои надежды не помню.

Для экономии топлива котлы пароходные быстро затушили, и наша жизнь резко похолодала.

Как и всегда в нашем благословенном государстве, реше-

¹ Шуга – месиво изо льда

ние приняли в одном месте, а выполнять его доверили совсем в другом, где не очень-то могли сообразить, как с помощью одного лишь решения, без других подручных материалов, расселить почти полсотни человек команды с женами и детьми, неизвестно куда.

Сидя в темноте враз промерзших кают, потерпев еще немного, как это всегда принято у нас, «мужики», в основном двадцати с небольшим лет пошли «бить кулаком» о красное, а, может быть, зеленое (теперь уж этого не установить) сукно на столе начальника караванки. Но, то ли не дошли, то ли их там не ждали совсем, тоже не помню.

Зато помню, как иногда отец с гордостью рассказывал, как они решили занять клуб. Там тепло и светло.

Слава КПСС и тому теплом клубу, спасшим нас. Причем почти в прямом смысле. Огромный лозунг «Слава КПСС» висел через всю сцену, и мы ежедневно находились под его защитой и благословением.

Лозунги, развешанные по всему периметру в клубе и были моим первым осознанным чтивом. Мама отвечала на мои вопросы, что это за буквы, в перерывах между кормлением брата и беганием по очереди с товарками до столовой, где им разрешали сварить для нас и для себя кашу.

Когда я слышу иной раз анекдот про чукчу, мучающегося таким же вопросом, как я тогда, кто такой Слава КПСС, я не могу смеяться над ним, по – детски наивным. Я не могу смеяться над своим детством и восторгом от больших краси-

вых золотых букв на красной материи. Именно тогда буквы стали волшебным образом складываться в слова. И любовь к обучению вошла в меня навсегда тоже тогда, вместе с моим первым детским осознанным восторгом от красоты и мощи знаний на огромном красном кумаче, которые я схватывала буквально на лету, от пробегающих мимо взрослых. Хотя им было не до нашего обучения.

Главное, попали в тепло и больше не околеваем. Почему-то тогда синоним холода был глагол «околеть».

Много позже я узнала истинное значение этого слова. Уже в школе, «русичка» при разборке какого-то произведения, употребила его в новом для нас смысле. И мы вдруг поняли, что этот глагол, означает не жуткий холод, а смерть животного.

Если животное домашнее, то говорят, скотина околела. Так я, вместе со всем моим классом, узнала правильные значения часто употребляемых тогда в Сибири слов.

В моем доме эти слова употреблялись редко, но слышала я их вокруг часто.

Хотя скотины, даже простейших домашних животных, у речников тогда не было.

С семьей плавать было можно, а с животными нельзя.

Слово же употреблялось часто, и смысл его был иным, более нам понятным. Скотина – это человек, не умеющий себя вести, пьяница или дебошир. Когда мы, по наивности и смелости, сказали это учительнице, она ответила нам так, что

мы запомнили это на всю жизнь. Не надо оскорблять скотину, приписывая не свойственные ей качества.

Мы тогда были любознательные, безграмотные и наивные «Хви-и –ли – и – пеоки».

Впрочем, о чем это я? Наверное, моё подсознание вспомнило то, душу убажающее тепло, в которое я тогда попала.

И снова пелена молодых лет навсегда укрыла от меня мелкие события того времени.

И опять рассказ мамы, как нам, уже в конце зимы, дали, наконец, собственное жильё.

Слава богу! Вернее, тогда еще слава КПСС!

История постройки нашего первого полученного жилья ушла в небытие, как и многие частности моей тогдашней жизни.

Но я помню этот ... барак на высоких ножках, возведенный наспех по зимнему морозу, из свежего желтого горбыля, с высоким крыльцом и длинным широким коридором.

Помню, примерно, расположение нашей комнаты. Как зайдешь, налево, через 3 двери от входа.

Некоторые картинки из жизни в этом бараке остались в памяти навсегда.

Мне года три. У меня есть друг, чуть старше меня и очень любознательный. Он живет в конце барака. Мне купили куклу, довольно-таки большую, голую пупсиху. Радость распирает меня, и я иду к другу ею делиться. Теперь я понимаю, что меня к нему привлекало, наш общий с ним дух исследо-

вателя.

А давай её «подожгём²»! – говорит он, – Посмотрим, горит или нет.

Не помню, что я ему сказала, согласилась с ним или нет? Он подносит спичку, пупсика ярко вспыхивает. Через пару мгновений в руке моего друга осталась одна нога, которой он машет как ошалелый. Кроме этих заморозивших меня мгновений, в памяти от пупсика ничего не осталось. Какая она была? Красивая? Наверное. Было моё горе, мама ругала? Но всё перехлестнул восторг от ярко горящей куклы... и загустевшая темнота вокруг неё.

Ещё помню очень ясно, как зародилась во мне страсть к писательству.

Отец после работы ходит учиться в речной техникум в город. Это далеко, а напрямки, через реку, поближе. Плотины ещё не построили, и зимний лёд был крепкий.

Моя красивая, светловолосая, мама сидит за нашим единственным столом на кровати и что-то шьёт. Лампа без абажура светит ярко, тепло. Маленький Вовка бессовестно дрыхнет.

Поздно. Но мама не гонит меня спать, она знает, что я затаюсь, и все равно буду ждать.

А, может, ей одиноко, и грустно, и боязно за отца. И моя болтовня отвлекает её от грустных мыслей. Мне никогда этого уже не узнать.

² Пишу как говорили

Все эти мысли приходят мне на ум при просмотре очередной, ярко высвеченной в калейдоскопе моей памяти картинки. Когда я иной раз не могу уснуть после того, как чье-то слово, кадр из фильма или просто яркая лампочка в этом кадре вдруг остро, до боли, напоят мне ту, единственную и неповторимую, яркую и лучистую лампочку нашей комнаты, лампочку моего детства.

А тогда я была вся в ожидании моего папы.

Я хожу в углу за потрескивающей печуркой и пишу ярко-красным карандашом ему письмо. Мама меня не ругает за безнадежно изрисованные стены, но ... здесь мое рабочее место, и я не балуюсь, и ничего не порчу. Ведь я пишу письмо папе. А как иначе он может там, в техникуме, узнать, что я хочу, чтобы он принес из такого незнакомого мне, таинственного, города, ведь без этого письма он не догадается. Я советуюсь с мамой, как лучше написать свою просьбу, чтобы папа понял меня наверняка. Я волнуюсь, старательно выводя черточки. Мама проверяет меня, говорит, пиши ровнее, а то папа не поймет, да и не купит. Я жму на карандаш и от усердия повторяю с каждой новой черточкой вслух свою просьбу:

– Папа, купи мне булочку!

Весь мой «папирус» из горбылуса уже изрисован корявыми рядами черточек. Я ищу между ними свободное место, стараясь писать ровнее и ... ярче. Я мусолю карандаш во рту, старательно исправляя корявость моих строк. Пытаюсь

неровность горбылей перекрыть яркостью моего самого яркого, самого красного карандаша. Мама учит меня считать мои черточки:

— Как мы их сосчитаем, — говорит она, — папа придет.

Я пишу, повторяя свою просьбу и считая, два, четыре, пять, семь, одинацать.

И... вот распаивается наша дверь, клубы белого мороза, похожие на высокий сугроб входят в нашу комнату. А внутри него папа.

Он быстро закрывает дверь, на минуту становится холодно, но наша печка волшебная и белый мороз убежал от неё, а папа стоит у печки в своей черной шинели и, не раздеваясь, греет руки. Мама суетится с кастрюлькой, стоящей весь вечер скраешку на плите, чтобы не остыть.

Мои глаза распахнуты навстречу чуду. Но вдруг ее, булочки, сегодня нет? Этого не может быть, но всё же! Мое волнение и страх почти не переносимы, но ... я жду, когда руки и губы у папы оттают, и он сможет улыбнуться, чтобы я всё поняла.

И, ... сейчас папа полезет рукой внутрь шинели, и достанет оттуда её. Это волшебство, и мой папа делает его для меня. Булка слегка подмёрзшая, но самая вкусная, самая сладкая. Я грызу ее, слушая разговор мамы и папы. Но вот сон сморил меня, хотя я еще не доела и тру глаза, чтобы еще раз откусить и насладиться.

Когда я просматриваю эти картинки моей жизни, они как

слайды, ведь их можно переставлять местами, смотреть по порядку, или взять и просмотреть вразброс.

Они особенные. Они яркие, как мой первый карандаш, и одновременно весёлые и грустные картинки моей памяти.

В них все оживает вновь, как на экране. И даже более того. Я физически ощущаю на своей щеке тепло от яркой лампы, холод от отцовской шинели и его оттаивающую улыбку, счастье моей мамы и мою безграничную радость от кусаемой мною булки.

Мы были счастливы тогда, в такие вечера.

И эта булочка из техникумовского буфета, не съеденная моим отцом, согреваемая им внутри тельняшки и все же промерзаемая вместе с ним, которую он, голодный, прижимал к себе, пытаясь согреть, предвкушая распахнутые моему большому детскому счастью глаза. Эта булочка, замерзая вместе с ним, помогала ему зимней ночью возвращаться домой, бежать по льду реки, с каждой минутой сокращая время до возвращения домой.

Что я сейчас буду грызть с таким восторгом?

Ничто уже не сравнится с той подмерзшей булочкой, совершенно не вспомненного мною, вкуса, из дешевого студенческого буфета.

Что может быть счастливее своей юности? Только юность твоих родителей, твое младенчество и вожаденная булка.

И в то же время грусть, невольно вползает мне в сердце.

Сейчас, в который раз, вглядываясь в эти картинки я по-

нимаю, почему мой отец всю жизнь проболел.

Побегай— ка в шинельке, как говорили тогда, на рыбьем меху, при сорокаградусном морозе, на бегу замерзая так, что приходилось оттаивать у печки, прежде, чем раздеться.

Рыбий мех мне представлялся чем-то сказочным и волшебным. Я много раз пыталась его разглядеть, изучая шинель, висящую в углу, но родители, застав меня за этими исследованиями, смеялись и говорили:

— Станешь постарше, увидишь! Рыбий мех могут видеть только взрослые.

Про рыбий мех отец объяснил мне, когда я уже училась в школе.

Он такой тонкий, что принимает температуру окружающей среды, т. е. совсем не греет, т.е. его совсем нет.

Я не помню, где я еще гуляла теми холодными послевоенными зимами и веснами, но ясно вижу себя стоящей на краю огромной застывшей лывы, яркого желто-оранжевого цвета. Лыва находилась сразу позади или вернее сказать, сразу впереди нашего барака, если идти к центру поселка.

Это была лыва замерзшей мочи, над которой, скорее всего, трудились многие жители нашего и соседних бараков. Мама запрещала мне по ней ходить, но я не могла удержаться, чтобы не постоять у её краешка, замирая от восторга при виде золотых искор, которыми переливалась она, когда лучи солнца попадали прямо в неё.

Весной лыва таяла, но не исчезала, а превращалась в боль-

шущую лужу, такого же почти оранжевого цвета, яркого и прозрачного. И сквозь неё просвечивали редкие травинки. Я стояла, заморожено рассматривая эти травинки. Но ходить, как и зимой не решалась.

Когда взрослые спешили к сооружению, называемому почему-то не два, а «три очка», то зимой они шли очень медленно, боясь расшибить нос, а в остальные времена года очень быстро, чтобы не застрять в вязкой жиже.

Я не хотела ни того, ни другого, почему-то безоговорочно поверив запрету взрослых на слово.

Самого достославного сооружения я не помню.

Запрет на хождение по этой достопримечательной лыве я так ни разу и не нарушила, а вот благоговейный трепет перед ней остался у меня на всю жизнь.

До теплых туалетов нам с родителями еще ой-как далеко.

Мне шёл четвертый год, когда отцу и маме, как передовикам трудового фронта, дали жилье, значительно комфортнее и выше рангом.

Прощай дом любимый, здравствуй дом новый!

Глава 2

Счастье – это фундамент

Наше новое жилище было несомненно продвинутым жильем, с уровнем комфортности значительно превышающим наше предыдущее пристанище.

И все же это был ... опять барак. Зато какой!

Он стоял в самом центре нашего поселка на высокой насыпи и был сделан на мощном, высоком, кирпичном фундаменте, с теплыми, не продуваемыми, стенами из толстенных деревянных брусьев.

Коридор этого барака был тоже теплым, по сравнению с улицей. Мы, ребятня, любили в нем играть в догонялки и «цепи кованы». Взрослые не ругали нас, ведь в каждой семье нас было много.

Наша комната находилась в центре барака, и это было очень хорошо, больше сберегалось тепла от печки. И снизу не дуло, благодаря фундаменту. Я слышала этот разговор родителей и мое сердце впервые осознанно, по-взрослому, радовалось такому благу, свалившемуся на нас, как фундамент.

Кроме того, недалеко от наших окон, тут же на этой насыпной горушке стояли наши сараи. Каждой семье – отдельный. Вот счастье-то. Теперь наши дрова лежат ровными рядами в нашем родном сарае, там же стоят козлы для дров. И не надо переживать, что кто-то возьмет наши дрова без спросу или что они совсем отсыреют под снегом на улице.

Мне еще несколько лет до школы. Кто не имел, тот понимает, что означает слово иметь.

«А здесья!». Тогда, в самом начале пятидесятых, это был почти рай на нашем кусочке Земли, называемом Затонем.

«А здесья» я уже помню много чего. Мир расширился, и

столько было интересного повсюду, некогда было и спать, да глаза к вечеру сами закрывались.

Жизнь моя кипела и бурлила, и сколько неимоверной энергии надо было иметь, чтобы не пропустить ничего.

Не то, что самое интересное, этим самым интересным было всё!

Я очень любила ходить в гости к моей соседке по бараку.

При всей своей открытости я была очень стеснительна.

Но в эту семью меня тянуло. Их комната была угловой, но они только радовались этому, она была значительно шире всех остальных, а, значит, больше. В ней стояло много узких железных кроватей со спинками.

Кровати были застелены голубенькими блёклыми покрывалами, на них всегда сидело по вечерам много народу. Моя новая подруга была девушка – подросток.

У неё было много сестер и, наверное, при таком большом потомстве, запущенном в жизнь, были и родители. Но я никого из них не помню.

Зато я хорошо помню, что очень любила у них сидеть долгими зимними вечерами, наблюдая, как растут горы шелухи от семечек, которые они дружно грызли. Сначала горки были под ногами у каждой девицы. Они росли, потом начинали осыпаться вширь, заполняя всё пространство между кроватями и даже заползая под них. Потом кто-то говорил команду «спать» и девицы сразу с нескольких концов начинали сметать эти горки в большую кучу по центру.

Вот это и завораживало меня, я с замиранием ждала этого момента и следила, как из многих небольших кучек растет большая куча. Затем всё это богатство совком кидали в открытую дверцу печки, шелуха вспыхивала золотыми точками. А печка поглощала всё новые порции, казалось, этой феерии не будет конца. Но все быстро заканчивалось. От шелухи не оставалось ничего. И только дрова, раскаленные до красна, на минуту переставали гудеть от возмущения, что их забрасывают шелухой, и начинали тихо потрескивать. Дверцу закрывали, концерт, ради которого я сюда приходила, был окончен.

Я шла восвояси. В этой семье рано ложились спать.

Не помню, угощали ли меня семечками, и грызла ли я их. Я шла домой ужинать, папа еще был в караванке или на учебе. Мама заканчивала возиться с моим братиком. Я ужинала в одиночестве или с мамой, если брат к тому времени засыпал. И с восторгом рассказывала, какие кучи шелухи наплевали сегодня дружные сёстры. И как она ярко и звонко горела.

У нас в семье семечки не грызли и ничего на пол не плевали. Скучно.

Спать неохота, но брат спит, шуметь нельзя. А я еще в наш сарай не успела, проверить мои секретные фанты для игры и для обменялки. Ну, да ладно, завтра!

Сейчас иногда добрый бог сна Морфей жалеет меня и помогает мне своим волшебством взглянуть на милых моему

сердцу людей. Он всего лишь добрый волшебник из будущего, он помогает нам, людям, увидеть свои мысли, проецируя их в пространство, и оно расцветчивается яркими картинками.

А пока я, взрослая тётя, сплю, во мне бодрствует маленькая любознательная девочка, четырех лет от роду.

Какой сладкий дурман. Вот оно путешествие во времени. Я вижу эту девчушку. И эта девчушка я сама. Кажется, протяни руку и сможешь коснуться её – себя в прошлом, но между нами невидимая, но очень-очень крепкая стена, как фундамент нашего второго барака, и мне её не преодолеть.

Недавно мне пришла в голову мысль.

Мы всю свою жизнь живем в двух ипостасях, не знаю, какое слово лучше подойдет сюда.

Да-да, мы двойные, как простая русская матрешка. Внутри каждого из нас есть еще одна.

Недаром же одним из символов Руси служат матрешки, а ведь это всего лишь игрушка, но игрушка с секретом, с ожиданием чего-то неожиданного. Вот и получается, с одной стороны игрушка, а с другой взрослая дорогая вещь.

Вот респектабельный господин, преуспевающий бизнесмен. А внутри него он сам, но юный, несмелый парнишка, которому соседский мальчишка не дал прокатиться на велике. Засыпает на шёлковых простынях богач, а внутри него горько плачет за углом маленький мальчишка. Хоть бы два метра прокатиться!

Ничто в этой взрослой жизни не сравнится с той, давней мечтой. Потом друг, накатавшись, сам даст ему прокатиться. Но пропасть горя уже навсегда отделила его от вершины счастья, к которой он потом стремится всю жизнь. И ничто уже не заставит его замереть в том первородном восторге. И только иногда, сидя на могильной плите своих предков, заказанной им где-то, то ли в Италии, то ли в Испании, он вспоминает рассказ своей матери. Рассказ ему, уже взрослому и состоявшемуся человеку, как она плакала, глядя из окна их дома, понимая его горе.

И от этого, горе этого взрослого богача становится еще невыносимее.

Но тот велик – невозможная мечта его детства уехал.

А, впрочем, мне уже пора вставать. Ночь кончилась, и мамка будит меня, гонит за хлебом.

Я протираю глаза. Начинается новый день. Что там впереди?

Зима, холодно, но я уже не жду папу с булочкой. Я уже большая, мне пятый год, и я сама хожу в булочную. Но мама всегда дает деньги на булочку.

Хотя в нашем затонском магазине таких булочек, как приносил мне папа, не продают. Они вкусные, но не та-ки-е.

А пока я выхожу из нашего теплого жилища на улицу. Солнце светит невыносимо. Про то, что есть очки от солнца? Знали ли о них тогдашние взрослые?

Я не могу смотреть на бесконечное сверкание снежных

сугробов и щурюсь ленинским прищуром. Правда, я пока не знаю об этом. Мне про это скажут мои однокурсники. Но до института мне еще далеко по времени. А до булочной я уже почти дошла, по расстоянию.

Булочная! Это одно из главных сооружений, на мои те, детские впечатления.

И обыкновенный бревенчатый магазинчик начала пятидесятых лет, но довольно-таки вместительный и светлый внутри, на мои сегодняшние мерки. Но мои мерки выросли вместе со мной. А тогда мои мерки были вровень со мной. И дома, и деревья тогда все были большие.

Я пробегаю небольшой тамбур и наметанным глазом заядлого очереденщика определяю, где в её завитках хвост.

«Кто последний» – громко и звонко выпаливаю я, боясь, что кто-то вот сейчас, в это мгновение, опередит меня таким же вопросом.

Уф! Очередь занята, я исподтишка запоминаю тётку, стоящую впереди. В очереди мне скучно и не интересно, но чем ближе к прилавку, тем занимательнее. Всем вешают буханку хлеба на 5 рублей, но иногда хлеб оказывается легче и тогда продавщица кладет на весы довесок, добирая вес до 5 рублей.

Но вот уже слышатся крики, не давайте ей столько. Очередь сразу же загудела, как потревоженный улей. Моё сердце ёкнуло. Я была уже совсем близко, и уже видела и слышала

всё, что происходило за прилавком. Булочки заканчивались!

И, как всегда, их сначала давали по одной на каждого члена семьи, потом только на детей. И всегда перед самой кончиной этих булочек тетки начинали ругаться, а мы дети молча, но с большим волнением слушали. Однажды, когда уже подошла моя очередь, и продавщица положила передо мной взвешенную буханку и всего две симпатичные булочки, тетка, стоящая за мной, увидев, что ей не хватит, заорала истошным голосом, не давайте ей столько, её брат еще маленький.

Очередь разделилась, кто «за», кто «против», но продавщица громко сказала, закон для всех. Перед смертью не надышишься.

Вот и сейчас булки закончились, и чей-то истошный голос констатировал это всем ясней ясного. И вот уже я подаю смятую синюю пятерку, продавщица расправляет её и кладет куда-то в глубину прилавка. Я сколько ни встаю на цыпочки, всё равно он выше меня и шире, чем наш стол. И ничего не видно. Что там? Иногда, когда очередь идет уже последнюю финишную прямую, мы, дети, пытаемся найти хоть маленькую щёлку, чтобы подглядеть. Да где там, среди тёток, плотно стоящих друг за другом, нам детям достается ровно столько места, сколько мы занимаем сами. Особо не разглядишься.

Моя буханка взвешена, и она тянет ровно на пять рублей. Продавщица передает её мне, и мои глаза красноречиво всё

ей говорят. Она берет из кучки нарезанных довесков горбушку, взвешивает её и говорит:

– Давай из тех, что на булки.

Не берусь вспомнить, сколько это было, она сама отсчитывает деньги на моей руке и сама зажимает мне пальцы с их остатками. Благодарность к этой доброй тётке захлёстывает меня. Я бормочу, спасибо, тётя, и вылажу из очереди, прижимая к себе хлеб, довесок и зажатый кулак со сдачей. По дороге домой, мы, пацанва, которым не досталось булок, жуем свои довески. Мягкие и хрусткие, они тают во рту, и мы сосём получившуюся во рту кашу, чтобы подольше не съесть, и чтобы её хватило до самого дома. Сегодня у меня не совсем удачное, но всё же удачное утро. Не всегда достаются и довески.

Я не помню случая, чтобы кто-то из нас посмел откусить от буханки или съесть булочку по дороге. Зато довесок полагалось нам съесть именно по пути домой, как поощрение за наш труд. Мы старшие в семье, помощники и работники.

Совсем недавно моя знакомая, ездившая в Армению, рассказала мне смешную историю. Когда она шла по тамошнему рынку, то увидела продавца, торгующего кастрюлями.

С чувством соразмерности у него всё было в порядке. На больших кастрюлях лежали картонки с коряво, но ярко выведенными надписями «Каструл». На кастрюлях среднего размера с тем же старанием и с той же орфографией «Каструла». И, правильно вы уже догадались. На маленьких лежал

такой же транспарант, возвещающий для не верящих своим глазам, что это «Каструлка». Поистине сказка «Машенька и три медведя» в тогдашнем великом и дружном Советском Союзе изучалась всеми первоклашками

на века, не зависимо от их пола, национальности и вероисповедания. И сейчас эти знания, крепко вбитые в детские головы учителями, как теперь говорят, совковыми, пригодились все же на отделившемся от нас красочном армянском рынке. Ну а ошибки в русском языке? Кто же их сейчас не делает среди нас, русских. Стоит только повнимательнее послушать разговоры по радио и по телевизору. Это тебе даже не «Каструлка».

Теперь я понимаю, почему раньше хлеб назывался буханкой, а сейчас булкой. Теперь он и выглядит как булка перед дородной, почти в два раза выше и шире буханкой, мягкой, хрустящей, ароматной. Ароматом настоящего русского хлеба, вымешанного руками.

Но вот моя утренняя работа закончилась, и мама отпускает меня погулять. Скорее в сарай, к моим фантикам! Как они там!

Глава 3

Кино и рубль

Скорее, скорее в сарай, проверить свои сокровища, как они там.

Чтобы не толочься дома, и не мешать родителям, мы перемещались в свои сараи, которые были практически открыты весь день. И, по сути, являлись нашими резиденциями. Мы ходили друг к другу в гости, хвастались куклами и иногда менялись фантиками, когда у кого-то появлялись новые.

Мы не знали, что такое детский сад, хотя таковой в нашем густонаселенном Затоне имелся. Нас, детей, его не посещавших было значительно больше. И все наши попытки бесхозных детей проникнуть на его территорию пресекались работниками детсада. Хоть бы одним глазком взглянуть! Как там?

Это мне удалось значительно позже, когда родилась моя младшая сестра, и в мою обязанность вошло, забирать её оттуда. Но табу так крепко въелось в мои мозги, что я не смела двинуться дальше порога. Так этот детский сад остался одной из нераскрытых тайн моего детства.

Однако наша жизнь, детей, предоставленных самим себе, нашими мамками, занятыми младшими детьми или работой по дому, была перегружена интересными событиями. Были дела и поважнее, чем наши набеги на детсад. А фантики!

Это, всего лишь, была дань тогдашнему модному у девочек увлечению. Насколько я помню, ни один фантик тех времен не поразил меня своей красотой.

Они появятся значительно позже, красивые, красочные, яркие. Впрочем, это, второе поколение фантиков дожило до наших дней. Вполне заслуженно. Короче, о тогдашних фантиках мне вспомнить нечего.

Зато игра в «Фанты»! Она всегда впечатляла меня своим вступлением. Выбранный ведущий торжественно говорил:

«Вам барыня прислала голик, да веник, да триста рублей денег. Велела не смеяться, не улыбаться. Да и нет не говорите, чёрно с белым не берите. Вы поедете на бал?»

Да?— начинал он тут же спрашивать.

Дальше ведущий задавал вопросы, на каверзность которых ему хватало фантазии. Многие срезались сразу же на первом, вы поедете на бал? Особенно малышня, от трех до пяти. Мы пятилетки и старше смотрели на них свысока.

Некоторые из старших проходили все вопросы ведущего и, по правилам, сменяли его, когда тот иссякал.

Никогда и ни над кем мы не смеялись. Мы были добры друг к другу. Ведь эти малыши были наши младшие братья и сестры. Фанты- задания проигравшим были простенькие, кукарекнуть, мяукнуть, и ничем не отложились в моей памяти.

Мы уже смутно понимали слово «барыня», а голик³ еще знали точно. Не у всех тогда были веники. В семье моей взрослой подруги семечки мели уж точно голиками. Сейчас все знают слово «барыня», а «голик»? Я сомневаюсь. Насчет голика к лучшему. А вот насчет барынь, не знаю. Вот оно, назад в будущее.

Игры сменяли друг друга, включая «Прятки», со знаменитой считалкой «На золотом крыльце сидели....».

³ Голик – веник из прутьев

Игра «День и ночь» была мне также по душе. Вот где уж мы старались покривляться и изогнуться. От души. Помню своё искреннее удивление, когда один новенький мальчишка стоял, как вкопанный. На наши вопросы, посыпавшиеся на него, он ответил, чего зазря напрягаться. Мы его не поняли. А он уже тогда всё осмысливал по-своему. Мы же были полны здорового коллективизма, в лучшем смысле этого слова.

По сути, у нас было истинное, детство, если учесть современную теорию, что время измеряется количеством информации. Тогда мы, дошколята имели её мало, и были наивны, в первородном значении этого слова, хотя такое благо, как радио уже имелось почти в каждой простой семье, параллельно с персональным сараем. А собраний, являвшихся источником всех новых знаний, мы дошколята еще не посещали. Хотя, вот мы-то как раз горели любопытством на этот счет, пытаясь увязаться за родителями, нехотя собирающимися на них.

Слова: телевизор, холодильник, стиральная машина, персональный компьютер и прочие, означающие блага современной цивилизации, были еще впереди. И взрослым и старикам тоже. Эти слова еще для нас не родились, как и сами предметы.

Впрочем, слово персональный тогда нам было ни к чему. Нам вполне хватало слова «наш».

Уф! Обед и игры сменились вечером. И вот тут-то!

Случались такие вечера, которых я ждала с таким же тре-

петом, как раньше папиной булочки.

Уже сразу после ужина, я смотрела на маму с нетерпением конькобежца на старте. И мама никогда не забывала про меня. Она доставала из комода рубль и давала его мне.

В дверь заглядывала моя лучшая подруга. Я уже была одета и дергала её за руку. Скорее.

По дороге шли такие же счастливики, как мы. Мы почти бежали.

«Кино! Кино! Кино! Кино! Оно на радость нам дано!»

А перефразируя Маяковского, я бы сейчас сказала так:

– Мы говорим Клуб, подразумеваем Кино!

– Мы говорим Кино, подразумеваем Клуб!

Это было самое значительное сооружение нашего посёлка. Оно стояло на высоком яру. Окна его фойе ярко светились. Клуб был еще и самым высоким сооружением нашего Затона. Он был самым-самым и родным с тех пор, как я спала в нем на сцене и учила буквы по лозунгу «Слава КПСС». Я мчалась впереди поспешающей за мной подруги, не обращая внимания ни на какие преграды в виде снежных накатов. Вот и тамбур, холодный, но ярко освещенный. Как находить в зигзагах очереди её хвост и спрашивать последнего, я уже знала. Вскоре прибежала моя подруга. Мы шли в очереди к маленькому окошку кассы, а волнение не унималось, вдруг не хватит на шесть, а позже уже нельзя, не пустят. Но вот билеты у подруги в руках. Дверь в фойе открывается и нас, счастливых, начинают пропускать внутрь. Все мои уси-

лия было направлено на то, чтобы встать на цыпочки, проходя мимо билетерши и стать выше, чтобы меня не уличили во младости лет. Я уже не маленький ребенок. Я почти дошкольница. Все билетерши хорошо нас знали и улыбались при виде нашего тандема. Мы мчались через фойе в зал и искали свои места. Но чаще всего, билет у нас был один. Подруга садилась, а я взбиралась к ней на колени. Чтобы мне было лучше видно, говорила она. Случалось, когда народу было немного, мы сидели рядом, и никто мне не мешал видеть экран.

Иногда билетов не хватало. Но и тогда нам по-своему везло. Когда начинался обязательный перед фильмом киножурнал, начинали продавать билеты входные, т.е. без мест и нас запускали в фойе, где мы ожидали конца журнала.

И вот дверь в зал распаивается. Свет в нём загорается на минуту, высвечивая ярко освещенный кумач с золотыми, такими родными, буквами «Слава КПСС», и гаснет. Мы бежим к замеченному нами свободному месту или ищем, как бы притулиться у одной из дверей выхода или в простенке между ними, жалея, что на это потрачены драгоценные минуты уже идущего фильма. Стоять просто в проходе было нельзя, мы могли счастливым с билетами в задних рядах заслонить экран.

Вау! Как сладко предвкушение нового фильма. С какого продолжить мой рассказ?

Нет-нет! Я не права. Тогда мы еще не знали этого дурац-

кого для русского человека слова, вау. Не вау, и не господа. А ура, товарищи!

Так с какого же фильма начать? Пожалуй, это «Молодая гвардия»!

Билетов нам в этот раз действительно не хватило. И входных тоже. Мы их выплакали искренне и неподдельно, вместе с другими такими же несчастными невезёхами.

Руководство клуба сжалилось над нами и продало нам дополнительные.

Фильм уже давно шёл, но даже этот урон не омрачил нашей радости. Мы вошли в зал и не поверили себе, кругом плотной толпой шли люди. Вереница начиналась на экране и двигалась по залу. Мы долго не могли втиснуться в эту толпу беженцев, как сказали с экрана. Голос за кадром говорил о тяжком испытании для людей вынужденных, покинуть свои дома. Мы просмотрели фильм на одном дыхании. Слезы лились по нашим щекам.

Зажегся свет. И мы увидели, что все проходы в зале действительно забиты людьми. Молча, не спеша, все выходили на улицу, только там спохватываясь, что фильм закончился.

Я до сих пор не освободилась от ощущения, как сейчас бы сказали, стереоформатности фильма. Просто с высоты моего тогдашнего роста толпа на экране практически слилась с толпой в зале. Я все понимаю теперь, но до сих пор не могу отделаться от ощущения присутствия в кадре. А, может, это добрые инопланетяне сделали тогда для нас такой подарок,

заменив обычный фильм на стереоформатный. Так сказать, в виде эксперимента над нами. Войди мы в зал раньше или позже, вряд ли я получила бы такой эмоциональный удар.

Что же на втором месте? Конечно, это «Дело Румянцева»!

Мы подошли к кассе рано, еще кассирша не кричала, сколько осталось рядов. Довольные мы пошли к фойе. Но сегодня на входе стояла какая-то другая тётя, схватившая меня за плечо:

– Ты куда, девочка!

Подруга пришла мне на помощь, прокричав:

– Я с ней!

Но билетерша была неумолима и, крепко взяв меня за плечи, выставила из фойе. Я была ошарашена, что происходит? Подруга тоже вышла и мы растерянно стояли рядом со входом. Вот уже свет в зале погас и начался журнал. Опоздавшие по одному проходили в фойе.

Мы стояли возле неумолимой тётки, в который раз упрашивая её пропустить нас в зал, ведь у нас есть билет, хоть и один, но мне – то еще можно и без него. Тётка в который раз объясняла нам, что фильм до шестнадцати, и она не имеет права пустить меня.

Журнал закончился, счастливики помчались рысью в зал.

В отчаянии мы стали по новой объяснять тете, как мы любим кино и как нам, ну совсем нельзя, его, это «Дело Румянцева» не посмотреть! Мы плакали, но тетка была неумоли-

ма. Мы сжались в комок и встали у выхода, готовые к последнему крику в наш адрес. От безысходности слёзы высохли. От пережитого волнения мы тихо умирали, цепляясь одной ногой за порог. Мы окаменели. Казалось, пройдут часы прежде, чем наша нога, поднимаясь с неимоверным усилием по миллиметру в час, сможет его, этот порог, перешагнуть. И мы очутимся в царстве вечного горя.

Наверное, новая билетерша не была сволочью и все поняла. Поворчав для порядка, что раз фильм для взрослых, хотя бы уж два билета купили, она махнула нам рукой и повела в зал. Мы впервые не бежали вприпрыжку, а шли за ней, как побитые собачонки, волоча ноги, изо всех сил пытаясь не рухнуть на пол до входа в зал. Уж тогда нас точно не пустят! Открывшаяся дверь в зал высветила нам два свободных места совсем рядом со входом. И мы рухнули на них. Не окажись рядом мест, мы сели бы на пол. Сил шевелиться, а тем более искать себе иное место, у нас не было.

– Вот оно счастье!

Неожиданная радость возвращала нам силы. Фильм уже близился к середине, но, несмотря на пропущенное, сюжет захватил нас целиком. Я до сих пор помню каждый кадр, увиденный мною тогда. Фильм нам очень понравился. Мы радовались его счастливому концу и восприняли его как личную нашу награду.

Дома я не смогла ужинать и свалилась спать. Утром я рассказала маме, как нам пришлось туго. Нам опять не достава-

лось два билета, хотя мы и бежали с подругой, обгоняя всех, а достался только один билет, а фильм был для взрослых. И нас не пускали, но потом пожалели, а фильм был такой хороший.

Но фильмы были не только грустные. Были фильмы, заставшие в душу по иным причинам.

И лидер в этой номинации, несомненно, «Девчата»!

Желающих посмотреть этот фильм опять было море и нам, действительно, достался последний билет. Когда на экране показали тамошний клуб, зал ахнул – так это же наш клуб и наши танцы! Только танцуют незнакомые люди. Восторг от того, что фильм про любовь, про нас и наш клуб, и нашу вечернюю школу один к одному, и наши общежития победил. Наш же здравый смысл говорящий нам, что фильм про лесорубов, а у нас и леса-то нет, потерпел поражение.

Мы поняли, что лес в фильме придумали, чтобы было интереснее и смешнее, а все остальное – правда и про нас.

Мне еще два года до школы.

И много позже я узнаю от мамы, что есть бедные и богатые.

Разве такое может быть!

И мама мне расскажет, почему нам с подругой частенько доставался один билет.

На второй у неё просто не было денег.

Когда я пошла в первый класс, моя подруга, окончательно выросшая для взрослой жизни, уехала. Я стала ходить в кино

одна. Или с братишкой.

Что было дальше с моей подругой, любившей кино так же по-детски самозабвенно, как и я? Не разлюбила ли кино? Я этого никогда не узнаю.

Но в моей памяти так и остались жесткость её колен, яркость горения шелухи, наплёванной её сестрами, и наша общая безграничная любовь к кино.

Как я долгое время не различала этих бедных и, с позволения сказать, богатых? А так ли уж велико было это различие? У моей взрослой подруги частенько не было рубля на кино, но и мы не могли позволить себе роскошь подарить ей рубль.

Иногда я вижу прекрасный сон.

Я еще не пошла в школу, и еще не лишилась привилегии на бесплатный проход в кино со взрослым. Мы стоим с моей старшей подругой в очереди за нашим общим билетом, и вновь переживаем, достанется он нам или нет?

И нас переполняет предвкушение счастья.

Глава 4

Зеленые звезды Танет

«Над дорогой ..., как твои глаза,
Две холодных звезды ... моих судьбы»
(перефразировка из Б. Окуджавы)

– Савишна! Не оставьте, мою Танет! Умоляю Вас!

– Да что Вы, барыня, ей богу, надумали! Говорите такое! Я же Вас вырастила, господь с Вами, что вы удумали! Да куда ж я без Вас-то! – запричитала Савишна. – Вот скоро уже приедем к моим-то, отдохнём, отъедемся. Вы уж, Галина Михайловна, не пугайте нас с Татьяной Васильевной-то. А то вон у неё, у дитятки Вашей, и слёзки уже собрались. Обойдется всё! Вы же такая молодая, красивая! Василий Николаевич найдет вас обязательно! Я вон старуха и то бодрюсь!

– Устала я, Савишна! Спасибо Вам за всё! Тане – т ...!

По вагону уже шли солдаты с санитарями, снимать тифозных и умерших. Савишна держала в своих руках нежную ручку своей милой дитятки Галины Михайловны. Санитары долго не могли оторвать от покойницы обезумевшую от горя старуху.

– Да и то понятно, дочку потеряла, сердешная. Дочка-то уж больно хрупкая, если бы не простая одежда, совсем бы походила на буржуйское отродье. А так жалко.

Поезд набирал скорость, паровоз гудел на переездах. Савишна оцепенело прижимала к себе маленькую барыню:

– Вы поплачьте, Татьяна Васильевна! Поплачьте! – Но слёз у обеих не было.

Через несколько дней приехали в Омск. Как добрались до Ишима, обе не могли вспомнить.

Переступив порог родного некогда дома, Савишна обмякла и рухнула кулём на пол. Два дня они лежали без сил, в

забыты. Танет лежала рядом со Степанидой на чудной лежанке за печью, которую все звали полатями⁴. Ей не хотелось шевелиться, хотелось не открывать глаз и спать, спать. И во сне видеть её, красивую, в бальном платье и слышать:

– Моя милая, Танет, не кажется ли Вам, сударыня, что Вы злоупотребляете благоволением Савишны, которая Вас чрезмерно балует!

– Мамочка, но я люблю пирожки Савишны. Они такие вкусные!

– Никак твоя девка на поправу пошла, пироги вспоминает. Да время – то не пироговое, – слышит она.

Брат Савишны, который зовёт сестру без отчества, просто, Степанида, пугает Танет своей угрюмостью и бородой. Савишна уже поднялась, и потихоньку все говорят за столом.

Танет пытается не дышать. Но Савишна уже склонилась над ней:

– Барыня, Татьяна Васильевна! Голубка моя. Очнитесь, не пугайте уж и Вы меня!

Танет открывает глаза и на минуту ей кажется, что ничего дурного не было. Вот Савишна будит её и сейчас войдет мамочка, пахнувшая духами и скажет ей:

– Милая Танет! Пора! Папа нас ждет в столовой к завтраку!

– Ну, слава богу, глаза открыла. Сейчас, дитяtko моё, по-

⁴ Полать – лежанка из досок между печью и стеной, чаще всего почти под полком

кушаешь и совсем на поправку пойдешь. Вставай потихоньку, сердешная моя. Я уже пирожков тебе непременно сделаю.

Брат Савишны подходит к Танет, смотрит, пугая её своей пристальностью:

– Ты, это, Степанида, себе скажи и своей барыньке малой, что сейчас нет барьёв. Сейчас всеобщее равенство. И, если ты, Степанида, дура и не возьмешь в толк это, так хоть малую пожалей. Какая она теперь барыня! Танька она, твоя «внучка», а «дочка» твоя по дороге от тифа умерла. И не эта у неё фамилия, что ты сказала, а Кожанова она, как мы.

И документы Ваши в поезде украли, а эти, что ты, дура, сюда притащила я уже сжёл.

Вставай, сердешная, неча валандаться! Слышала, что я вам тут сказал. Запомни это накрепко, коли жить хочешь, да на нас зла не накликать.

Так на полати свалилась без сил юная графинюшка Татьяна Васильевна, неполных десяти лет, с одной из известнейших фамилий, а встала Танька Кожанова, прислугова «внучка», «прижитая» дочкой Степаниды от рабочего на заводе, где они-де работали в Питере, да пострадали за революцию.

Савишна намывала Таньку в лохани и просила её не обижаться на грубость её новых родственников. Не со зла они, а ради её же пользы.

– Я всё поняла, Савишна. Вы не волнуйтесь. Ой! Бабушка, ты не волнуйся!

Они обнялись и слёзы мешали им видеть друг друга.

– Неча тут сырость разводить! Корми девку!— брат Савишна говорил сердито, но Танет, нет, Танька его уже не боялась.

Федор Савич работал шкипером в порту. Весь их род испокон был связан с рекой, баржами и пароходами. Пропитание зарабатывал не плохое. Всё, что надо, в доме было. Да семья большая и все девки мал мала меньше, внучки, сынт-помер две навигации назад, а за ним и матка его, бабка ихняя. Да ничего, сдюжим. Огород кормит.

Теперь золовка может идти в порт работать, Степанида дома управится, да и девки помощницы будут. А новые документы у новой власти выправим. Власть – то, говорят, наша.

Федор Савич ушел, а Савишна стала разбирать вещи. Барское им не к чему, что перешьют. А что и продать можно. Да и вещей-то, ать-два, и обчёлся. Ещё в поезде меняли на хлеб и картошку. Да и взяли – то, что попроще, дачное. Чемодан сменяли первым, завязав всё в шаль, а теперь узел совсем тощий стал. Только один маленький ларец красного дерева, темный от старины и паровозной копоти сохранился Таньке на память о доме.

В нем барыня взяла с собой фотографии, да украшения свои. На черный день пригодятся, говорила перед дорогой барыня. Да ей – то, сердешной, ничего не пригодится уже.

Савишна взяла с собой колечко, а вернулись они с Пелагеей, золовкой, с полкулём муки.

Вечером, когда вернулся хозяин, ужинали пирогами с ка-

пустой.

Танька потихоньку изучала новое жильё и новых родственниц, которые принялись было за столом хихикать, пока не услышали:

–Цыц вы, болтухи! Спать пора!

Уже лёжа на полатах, Танька услышала:

– Ты, Степанида, аккуратней с кольцами, не ровён час! А фотки порви, от греха подальше.

Утром Степанида позвала Татьяну, посмотреть последний раз на маменьку с папенькой, да дедушку с бабушкой.

–Уж больно фотки красивые, нельзя такие держать. Слезы застыли в глазах у обеих.

– Как рвать такое и бросать в печку. Рука не поднимается. Вот это фото, где твоя мама просто с косой, без причёски. Помнишь, после купания в деревне, спрячь, милая. Кто спросит, скажешь нашла в поезде. Спрячь в газетку, да на дно ларца. Ларец-то отмывать не будем покамест. Пусть хранится, все память тебе. Да хранит тебя бог! Да вязанье недоконченное твоей маменьки, учись Танечка, пригодится, вязать – то.

– А я уже умею, мама учила.

– Вот и вяжи себе с богом, милая! Работа, она лечит! А нитки маменька твоя в дорогу брала для вязания, вот и пригодятся. Пойдем ларец – то под полати поставим.

Прошло несколько лет. Танька пошла работать в порт учетчицей. В комсомол её приняли единогласно как хоро-

шую работницу и активную участницу хора. Её красивый голос звучал звонко и весело:

«Наш паровоз вперёд летит, в коммуне остановка.

Иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка!»

Да ещё: «Мы все из тех, кто наступал на белые отряды ..»

Теперь в её сундучке, сверху нескольких фотографий в газетке, лежали листки с песнями для хора и скопилось их уже немало. Их хор выступал на всех праздниках, и Танька частенько была запевалой.

А сундучок уже хранил в себе не только маменькино недовязанное кружево и Танины песни, но и её, Танины кружева, которые она долгими вечерами все эти годы вязала, повторяя каждый мамин завиток, подолгу рассматривая их. Особо удачные экземпляры, почти полностью повторившие маменькино кружево, Таня хранила. В память о маме.

Многие кружева разошлись на подзоры, накидушки⁵ и прошвы⁶ по соседям за плату, кто чем мог.

Федор Савич хвалил:

—Молодец девка! Верный кусок хлеба.

«Сестры» двоюродные вязали с ней наперегонки, но её узор им давался хуже.

На праздники пекли пироги. У Савишны пироги даже с

⁵ Накидушка или накидка – кружевная или тюлевая накидка на подушки

⁶ Прошва – кружево, вшиваемое как верхняя часть к тканому полотну наволочки

«таком ⁷» были самыми вкусными и Танька была её первая помощница.

На шестнадцать лет Савишна подарила Татьянке ситчик на платье, да фотку маленькой девочки в платьице с кружевным воротником.

– Спрячь себя – то малюткой подальше, не бередить чтоб душу.

– Савишна, милая, значит не сожгла?

– Молчи ужо, придёт время, отдам остальные, коли бог на то будет согласный.

А пока тебе лучше не знать, где они.

На следующее седьмое ноября Татьяна с сестрами впервые пошли на танцы в свой же клуб речников, где все они пели в хоре.

Там на неё всё время заглядывался какой-то взрослый парень. Помощник капитана, все говорили почтительно.

Танька уже оформилась, несмотря на свои неполные семнадцать лет. Коса почти до колен и красивые зелёные с искрами глазами (вся в маменьку, говорила Савишна).

Парня звали Иван Сурловин. Он, как и Кожановы, был потомственный речник.

Увидев Татьяну, он уже не отходил от неё. На крыльце он схватил её за косу и сказал, что зашлет сватов. Таньке было смешно и интересно, неужели и вправду она так понравилась.

⁷ Пирог с таким – без всяческой начинки

Ей парень показался симпатичным, хотя и взрослым. Да и Федор Савич сказал о нём, хороший он водник, потомственный.

Расписались они под Новый год. Танька переехала к Ивану в его комнату, которую ему выделили в порту.

Переезжала Татьяна налегке со своим старым сундучком, как её новая родня называла ларец. В сундучке лежали её новые подзоры, большая кипа песен, да на самом дне подарок секретный от Савишны. В узел из новой шали, подаренной Татьяне Федором Савичем, ей завернули две простыни без подзоров (сама пришьёт), да, кроме её барахлишка, пару отрезов ситчика на шторы или на платье. Там ей видно будет!

В комнате уже стояли стол, кровать и три табуретки.

–Зажмурь глаза, – Иван подвел Татьяну к углу, где спрятанная за кровать стояла новая швейная машинка.

– Ванечка! – только и смогла сказать молодая жена, и глаза её сияли.

С началом навигации Иван Егорович, как все уважительно звали Татьянинного мужа, переселился на пароход со своей молодой женой.

Капитан, прослышавший, какая Татьяна рукодельница, предложил ей должность повара, почетную на пароходе. Вскоре про Татьянины пироги стали ходить легенды и матросы норовили записаться на их пароход.

Татьяна успевала все, шить, готовить. По вечерам, сидя на корме, она вязала и пела, вспоминая, как она маленькая

пела с Савишной, а маменька, заходя поцеловать её на ночь, говорила:

– Савишна, Вы хорошая певунья.

Маман садилась рядом и слушала Савишну, вглядываясь куда-то вдаль.

Татьяна, бывшая Танет, в такие вечера тоже вглядывалась вдаль. За бортом проплывали берега, одетые в темные одежды деревьев, лунная дорожка бежала за пароходом. Таинство вечера на реке окутывало всех чарами пронзительности нежных звуков песни, которую молодая женка счастливчика пела тихонько, для себя. Вечер угасал и переходил в ночь, и Татьяна вглядывалась в последние отблески зари, отраженные волной. Что там впереди, пытаюсь вызвать в памяти образ той далёкой, нежной и любящей её, черты которой в такие вечера проступали в её памяти и наводили грусть:

–Как бы они сейчас радовались моему счастью, вместе ли папа и мама, не смотрят ли они сейчас сверху на неё?

В такие вечера команда застывала на своих местах, не в силах оторваться от прекрасной картины, нарисованной вечерней грустью молоденькой красавицы с длинной пушистой косой и ясными зелеными глазами.

Глава 5

Бабушкина война

Через несколько месяцев после окончания навигации, по-

чти в свои именины, Татьяна родила дочку, светленькую и голубоглазую, всю в папу. Дочку назвали Галиной, в чью честь так никто и не понял.

Татьяна была счастлива в своем браке.

Любящий муж. Заботливый, работающий. Уже давно капитан буксира.

Она по-прежнему шьет на своей машинке, подарке от мужа, обновки всей семье. И достаток позволяет им с дочкой шить на праздники даже шелковые платья.

Татьяна придумывает фасоны сама.

Она вспоминает строчки на маминых платьях. И пытается повторить их по памяти. И тихо радуется, когда это ей удается.

В её руках всё горит. И огород около их дома. И пироги.

По вечерам она любит вязать. Всё в их доме радуется хозяйке-мастерице.

Муж частенько в рейсе. И уже давно Таня не работает рядом с ним.

Подрастают её малыши. Вслед за дочкой, бог дал им сына. А потом и еще двух.

Так что работы хватает и дома. Малышня мал-мала меньше.

Но недавно к ней пришёл заврестораном:

–Татьяна Васильевна! Выручай! Твои пироги ходят в легендах! Помоги! Дело-то у нас стоящее. Народ жить начал. Вот и ресторан осваивать надо. А детям с садиком поможем.

Таня не смогла отказать, хотя сердце её болело за детей. Но всё обошлось к лучшему.

А, когда детвора пошла в школу, то все прибегали к ней на кухню. Где она кормила их своим, да еще чуток прибавленным обедом.

Зато вечерами, особенно зимними и длинными, она пекла дома пироги, чтобы её архаровцам хватило на весь следующий день. Всё равно «таском»⁸ питаются, их дома не удержишь.

По воскресеньям зимой все дружно шли в кино.

Галина и её погодок Мишка идут впереди. А младшие-братья, меж отца с матерью.

В воскресенье Татьяна встает раненько, еще совсем затемно. Пока все спят. Их будит запах пирогов:

– Вставайте быстрее, в кино опоздаем!

Весной их палисадник весь зарастал цветами. И соседки просили:

– Таня! Посади ты нам, Христа ради, своими руками рассадку. Под твоими руками всё прёт без удержу.

И вдруг ... война.

Ивана забрали в первый день. Ресторан сделали столовой. Кормились с пайков, да с огорода. И ягод из леса.

На третий год войны Галя закончила школу и поступила в медицинский, в Томске. Рано утром ей приходилось ехать на катере в город и возвращаться оттуда затемно.

⁸ Питаться таском, т. е. таская куски из дома, на ходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.